

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.150-167

А. И. Цыреторов*

Рациональные основы уголовного судопроизводства: взгляд через призму социологических воззрений

Аннотация. В статье на примере уголовного судопроизводства исследуются рациональные основы права. В поиске истоков рационалистической картины права автор в ходе анализа действий субъектов (участников) уголовного судопроизводства в отдельных ситуациях показал соответствие уголовного судопроизводства рационалистической системе М. Вебера, позволяющей рационализировать в правовой плоскости ценности, доминирующие в обществе. Право, являясь социальным институтом, должно, по мнению автора, подчиняться закономерностям общественной жизни, вскрытым другими дисциплинами, в частности социологией. Использование междисциплинарного подхода к изучению институтов уголовного судопроизводства позволит исследовать их в их целостности, открыть их новые грани. Следуя этому положению, автор предпринял попытку проанализировать институт досудебного соглашения о сотрудничестве через призму теории рационального выбора и учения П. Сорокина о преступлениях и подвигах, что позволило наметить путь дальнейшего совершенствования этого института, который соответствовал бы закономерностям развития общества.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; рациональность права; рационализм в праве; разумность правовых норм; рациональность уголовного судопроизводства; правовые ценности; соотношение ценностей и права; рационализация права; социологическая школа права; междисциплинарный подход.

Для цитирования: Цыреторов А. И. Рациональные основы уголовного судопроизводства: взгляд через призму социологических воззрений // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 150–167. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.150-167.

© Цыреторов А. И., 2024

* Цыреторов Алексей Иванович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России
Летчика Пилютова ул., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 198206
alex.tsi@mail.ru

Rational Foundations of Criminal Proceedings: A View through the Prism of Sociological Considerations

Aleksey I. Tsyretorov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Procedure, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation
alex.tsi@mail.ru

Abstract. The paper examines the rational foundations of law typified by criminal proceedings. In search of the origins of the rationalistic picture of law, the author, in the course of analyzing the actions of subjects (participants) of criminal proceedings in certain situations, shows the correspondence of criminal proceedings to the rationalistic system of M. Weber, which allows rationalizing in the legal plane the values dominant in society. Law, being a social institution, in the author's opinion, should be subject to the laws of social life revealed by other disciplines, in particular sociology. Using an interdisciplinary approach to the study of the institutions of criminal justice will allow us to study them in their integrity and discover their new facets. Following this position, the author attempted to analyze the institution of a pre-trial agreement on cooperation through the prism of the theory of rational choice and the teachings of P. Sorokin about crimes and exploits, which made it possible to outline a path for further improvement of this institution, which would correspond to the laws of social development.

Keywords: criminal proceedings; rationality of law; rationalism in law; reasonableness of legal norms; rationality of criminal proceedings; legal values; the relationship between values and law; rationalization of law; sociological school of law; interdisciplinary approach.

Cite as: Tsyretorov AI. Rational Foundations of Criminal Proceedings: A View through the Prism of Sociological Considerations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):150-167. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.150-167

Рациональные основы права: краткий теоретический обзор

Государство, устанавливая систему правил поведения и обеспечивая ее действенными мерами принуждения, преследует цель достижения стабильной организованности общества, способствующей его прогрессу. Как продукт человеческой деятельности, право отражает в себе уровень развития конкретного общества, доминирующие в нем ценности и подходы к их трактовке. Следует согласиться с А. Н. Коневым, который, отмечая антропоцентричность уголовно-процессуальной науки, связывает эволюцию уголовного процесса исключительно с

развитием человека, его личных, в том числе и рациональных, качеств¹.

На протяжении своего существования человечество неоднократно претерпевало изменение системы координат — смену типов рациональности, и хотя случались в нем и откаты к менее прогрессивным, иррациональным практикам, даже с учетом указанных откатов мы считаем очевидным утверждение о том, что основной тенденцией развития государства и права является прогресс, то есть движение в сторону более рациональных практик, или, по выражению Гегеля, переход от природности человека, при которой «неправо еще есть право»², к истинно нравственному состоянию³.

¹ Конев А. Н. Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России : монография / под. науч. ред. М. П. Полякова. М. : Проспект, 2021. С. 284.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М. : Мысль, 1990. С. 114.

³ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч.

Сходной оценки права как прогрессирующей системы придерживался М. Вебер. По его мнению, общее развитие права и правового процесса, если поделить его теоретически на ступени развития, ведет от харизматического откровения права из уст правовых пророков к эмпирическому созданию и применению права, характерному для правовой элиты, далее — к октроированию права, которое осуществляют светские империи и теократические власти, и, наконец, к систематическому правоустановлению и профессиональному, основанному на литературном и формально-логическом обучении правосудию, которое практикуется образованными правоведами (профессиональными юристами). Формальные качества права развиваются, по его мнению, от характерной для примитивного правового процесса комбинации формализма, обусловленного магией, с иррациональностью, порожденной откровением, через обходные пути теократической или патримониальной практической и неформальной целерациональности ко всё более профессионально юридической, а следовательно, логической рациональности⁴.

Еще в Древней Греции некоторые ученые видели истоки права в разуме. Так, Аристотель указывал на то, что закон «имеет принудительную силу (*αναγκαστικὴ δύναμις*), поскольку является суждением (*λογος*), основанным так или иначе на рассудительности или уме»⁵. Последователь Аристотеля — Фома Аквинский, признавая относительную самостоятельность естественного бытия и человеческого разума, в своей работе «Сумма теологии» характеризовал закон «как постановление практического разума, исходя-

щее от правителя, управляющего совершенным сообществом»⁶.

Рационализм, утверждавший определяющую роль разума в познании и деятельности людей, стал фундаментом идеологии эпохи Просвещения. Один из наиболее видных деятелей указанного периода Монтескьё характеризовал законы в самом широком значении этого слова как необходимые отношения, вытекающие из природы вещей, уточняя, что они есть «и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека»⁷. Согласно его картине мира существует «первоначальный разум», а «законы — это отношения, существующие между ним и различными существами, и взаимные отношения этих различных существ»⁸. Собственно гражданские законы Монтескьё рассматривает в качестве частного случая приложения человеческого разума, который «ведет людей к человечности».

Вопросом рациональных истоков права задавались и отечественные мыслители. Философ и видный представитель русского идеализма Владимир Соловьев рассматривал право в качестве непосредственного выражения инстинктивного родового разума; в его интерпретации «разум, как одинаковая граница всех свободных сил или сфера их равенства, есть определяющее начало права, и человек может быть субъектом права лишь в качестве существа свободно-разумного»⁹. Его современник профессор М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что право «первоначально развивается из животных инстинктов, которые превращаются в человеческие учреждения лишь с того времени, когда они проникаются сознанием и разумной волей;

⁴ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. Т. 3 : Право. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 209.

⁵ Аристотель. Никомахова этика // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

⁶ Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. 6 // URL: https://download.librebook.me/download/formats/36/64/20_7505.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

⁷ Монтескьё Ш. О духе законов // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O dukhe.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

⁸ Монтескьё Ш. Указ. соч.

⁹ Соловьев В. Право и нравственность: Очерки из прикладной этики. 2-е изд. СПб. : Изд. Я. Канторовича, 1899. С. 15.

лишь с этого момента начинается историческая жизнь общества»¹⁰.

Разумеется, философия рационализма не является безальтернативным подходом к объяснению социальных явлений. Главным оппонентом рационализма явился иррационализм — концепция, ограничивающая возможности разума в познании действительности научными методами и презюмирующая неподвластность действительности закономерностям. Иррационалисты в большинстве своем придают неоправданно большое значение интуиции, откровению или каким-либо мистическим силам. Так, против претензий рационального гуманизма на выражение всеобщей истины разума, возведения последнего в ранг абсолютной ценности в ущерб полноте воли к власти восстает Ницше, используя в качестве методологического инструмента принцип активного нигилизма, выражающийся в деятельном отрицании высших ценностей западной культуры, в неприятии идей, подавляющих полноту жизни в пользу воли к истине¹¹.

Отечественный пример иррационализма: философ русского серебряного века В. Ф. Эрн противопоставлял разуму (*ratio*) Логос (*Λόγος*). Для него Логос — это разум, который имманентно пронизывает живую и конкретную реальность, а *ratio* — это формальный рассудок, оторванный от бесконечной множественной жизни. В этой концепции Эрн возвращается к славянофильской идее антагонизма между западной рассудочностью и восточной целостностью¹². По его мнению, «взнузданная рационализмом мысль совершенно бессильна перед действительностью»¹³; обвиняя рационализм в отрыве от Природы как Сущего, он полагает, что

«иррационально творение мира, иррационально появление органического в неорганическом, появление сознания в органическом, появление самосознания в сознающем, наконец, рождение истинного и единственного Сверхчеловека по природе своей, Иисуса Христа, — в человечестве»¹⁴.

Всё же в современной правовой жизни трудно переоценить значимость рационального подхода: в поиске закона мы не обращаемся к волхвам, гадалкам, пророкам, не ищем божественных знаков, не пытаемся спрогнозировать развитие общества посредством иеромантии (предсказание по внутренностям животных), для доказывания правды при отправлении правосудия не обращаемся к ордалиям, в подтверждение своих намерений не даем клятвы на крови и др. Современная наука права и в целом наука предлагают освоение действительности посредством научного познания, предполагающего установление закономерностей, всех связей и опосредований, в которых оно находится и может находиться¹⁵. Антрополог Р. Жирар в своей работе, посвященной исследованию соотношения насилия и порядка, приходит к выводу, что «повсюду убежденность гонителей тем сильнее, чем менее она рациональна»¹⁶, справедливо замечая, что «между наукой и прекращением охоты на ведьм существует тесная связь»¹⁷. Хотя и научный подход не исключает совершения ошибок.

Логически мы подошли к необходимости дать ответ на вопрос: что можно считать рациональным? На какие критерии мы должны опираться, чтобы уверенно отделить рациональное от нерационального? Ответ на этот важный

¹⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. С. 479.

¹¹ Кампос А. Д. Критика рационального гуманизма: историко-философский анализ идей Ф. Ницше : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2010. С. 141.

¹² Эрн В. Ф. Сочинения. М. : Правда, 1991.

¹³ Эрн В. Ф. Указ. соч. С. 110.

¹⁴ Эрн В. Ф. Указ. соч. С. 215.

¹⁵ Зинченко С. А. Юридические факты в механизме правового регулирования. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 67.

¹⁶ Жирар Р. Козел отпущения // URL: <https://www.libfox.ru/369425-rene-zhirar-kozel-otpushcheniya.html> (дата обращения: 01.05.2023).

¹⁷ Жирар Р. Указ. соч.

вопрос дать крайне сложно, поскольку в науке уголовного процесса собственный терминологический аппарат по данному вопросу не сформирован, что понуждает нас обратиться к философии права, логике и социологии.

Гегель писал: «Если я хочу разумного, то я поступаю не как обособленный индивид, а согласно понятию нравственности вообще. Разумное — это дорога, по которой ходит каждый, на которой никто не выделяется»¹⁸. Таким образом, Гегель ставит знак равенства между разумным и нравственным. С этой позицией мы согласиться не можем в силу следующих причин: во-первых, многие вопросы повседневной жизни находятся за рамками нравственности, нравственно нейтральны, но от этого они не становятся нерациональными. Во-вторых, у различных групп общества могут несколько различаться этические требования и моральные нормы, что не делает их нерациональными. Особенно настораживает призыв Гегеля «не выделяться», то есть быть в русле общественных настроений, мыслить как часть общества. История знает множество примеров, когда общество (наиболее активные его прослойки) было генератором радикальных, деструктивных настроений и идей, а государственный аппарат — их проводником. Нельзя не вспомнить об абсурдном согласии большей части немецкого общества с нацистскими идеалами и устремлениями. Так, исследователь психологии масс Г. Лебон хотя и связывал величие народов с уровнем их нравственности и признавал, что цивилизация предполагает существование определенных правил, дисциплину, переход от инстинктивного к рациональному, предвидений будущего, более высокую степень культуры, но считал, что это всё условия, которых толпа, предоставленная сама себе, никогда не могла осуществить¹⁹.

Попытка заложить под рациональностью основание в виде нравственности не проходит проверку не только как не всегда являющееся

универсальным, то есть справедливым ко всем ситуациям, решение, но и в силу того, что некоторые ее формы могут носить противоречивый или негативный ценностный оттенок. С другой стороны, полностью исключать нравственное из рационального будет неоправданным. Более того, право, выступая в качестве нравственного минимума, не может игнорировать доминирующие в обществе ценности, порой носящие иррациональный характер. В качестве примера: уголовное судопроизводство значительного числа государств закрепляет такую форму участия общества в отправлении правосудия, как деятельность суда присяжных. Если отбросить всю патетику, связанную с институтом присяжных, очевидно, что он является иррациональным, поскольку предполагает участие неюрисстов в принятии серьезного правового решения, которое нередко основано на настроениях и предубеждениях. Здесь вспоминается отечественный опыт, когда в дореволюционной России присяжные оправдали террористку Засулич. Аналогией этому подходу будет привлечение к медицинскому консилиуму для решения вопроса о целесообразности оперативного вмешательства, например, инженеров или учителей, то есть непрофессионалов в этой сфере.

В качестве некоего промежуточного вывода мы беремся утверждать, что вплетенность нравственности в различные институты не позволяет квалифицировать тот или иной правовой элемент системы в качестве рационального или не рационального. Хотя торжество рационализма не могло не внушить идею о возможности построения обществ по тем же механическим законам силою изобретающего разума и творящей воли²⁰, механическое отношение к праву в принципе недопустимо, два плюс два в данной сфере не всегда дает четыре, и, как следствие, отделить рациональное от нерационального исключительно логическими методами не представляется возможным.

¹⁸ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 81.

¹⁹ Лебон Г. Психология масс / переводчики: Э. К. Пименова, А. Фридман. М. : Юрайт, 2023. С. 15.

²⁰ Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. Т. 4. М. : Статут, 2016. С. 100.

Рациональность и ценности: проблема соотношения

В своем неоднозначном труде «Закат Европы» О. Шпенглер интерпретирует рационализм как веру исключительно в результаты критического понимания, то есть в «рассудок»²¹. Рассудок, или здравый смысл, зачастую не предполагает существование какого-то единственно верного рецепта решения, модели поведения. Так, находясь в условиях, опасных для жизни, человек способен как ценой чужой жизни сохранить свою, так и, оставаясь верным своим ценностям, отказаться от рационального эгоизма и принести в жертву себя. Для уяснения системы мотивов человеческой деятельности целесообразно обратиться к парадигме понимающей социологии, а именно к разработкам М. Вебера по вопросу обусловленности социальных действий.

Данное направление ставит во главу угла человеческих поступков личную интерпретацию происходящего на основе имеющегося у человека мировоззрения, а не внешние факторы его существования. М. Вебер полагал, что социальное действие может быть ориентировано: 1) целерационально, то есть посредством расчета на определенное поведение предметов внешнего мира и других людей, которые тем самым используются действующим индивидом в качестве «условий» или «средств» реализации собственных рационально поставленных и взвешенных целей; 2) ценностно-рационально, благодаря сознательной вере в безусловную этическую, эстетическую, религиозную или как угодно еще толкуемую самоценность определенного поведения чисто как такового, независимо от его результата; 3) аффективно, в частности эмоционально, то есть воздействием непосредственных аффектов и эмоциональных состояний; 4) традиционно, то есть силой укоренившейся привычки²².

Приведенные четыре типа социального действия следует рассматривать в качестве исходных, или базовых, поскольку в повседнев-

ности они нередко смешиваются. Целерациональный тип является, простите за тавтологию, абсолютно рациональным подходом, соответствует закономерностям развития общества и предполагает ориентацию на достижение цели посредством адекватных средств. Ценностно-рациональный тип, хотя и не является аффективным по своей природе или проявлением какой-то традиционности, ориентирован на определенные ценности, которые субъективны и порой могут быть охарактеризованы как иррациональные. Уже упомянутый ранее институт присяжных, согласно системе М. В. Вебера, следует классифицировать в целом как ценностно-рациональный институт. Приведем крайне упрощенные примеры типов. Задержанное по подозрению в совершении преступления лицо может:

1) не давать признательных показаний, зная о недостаточности доказательств, свидетельствующих о его причастности к преступлению, для избегания уголовной ответственности или снижения ее вероятности или дать их в искаженном, выгодном для него виде (как попытка минимизировать ее негативные последствия), то есть действовать целерационально;

2) не давать показаний, руководствуясь так называемыми «понятиями» преступного мира, которые носят для него характер ценности, возведенной в абсолют, то есть действовать ценностно-рационально;

3) дать признательные показания и всячески содействовать органам предварительного следствия (как фактор, способный смягчить уголовное наказание), то есть действовать целерационально.

Безусловно, как уже отмечалось выше, в большинстве случаев действия субъектов ориентированы на более чем один способ. Так, лицо, не будучи причастным к совершенному преступлению, может давать свидетельские показания как в целях избегания ответственности по ст. 308 УК РФ, то есть действовать целерацио-

²¹ Шпенглер О. Закат Европы : очерки морфологии мировой истории / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М. : Мысль, 1998. Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. С. 318.

²² Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : пер. с нем. : в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. Т. 1 : Социология. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 84.

нально, так и повинуюсь своему моральному долгу гражданина, то есть действуя ценностно-рационально, а может руководствоваться обоими мотивами.

Сугубо рациональный (целерациональный) подход к конструированию права крайне важен. Однако полный отказ от учета ценностно-нравственной составляющей права чреват негативными последствиями. Прагматизму «чистого» рационализма созвучна эффективность, являющаяся соотношением затрат и результата (эффекта). Высокая эффективность предполагает оперативное и максимально полное достижение поставленных целей с минимальными издержками. По мнению А. А. Тарасова, эффективность уголовного процесса в конечном счете — это эффективность использования властных полномочий должностных лиц и органов государства для защиты прав и законных интересов людей, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства²³. Подобный подход порой означает необходимость упрощения в ущерб должной правовой процедуре как фактору, усложняющему деятельность правоприменителя. Так, например, функционировавшие в СССР в 30-х гг. «тройки» были в высшей степени прагматичным, но пристрастным и отвергающим какой бы то ни было гуманизм инструментом внесудебной репрессии. Здесь можно вспомнить и действия героя фильма «Место встречи изменить нельзя» Глеба Жеглова, который, руководствуясь максимой «Вор должен сидеть в тюрьме», подкидывает антигерою фильма Косте Кирпичу кошелек для шантажа с целью получения оперативно значимой информации, то есть действует абсолютно целерационально, вразрез с законными требованиями и ценностями. Конечно, можно согласиться с авторами монографии «Следственная деятельность» в том, что «уголовная политика в первую очередь — государственная политика (понятие), а уж потом —

уголовная (ее определение). Следовательно, уголовная репрессия, угроза таковой — всегда не более чем инструмент в руках правящей элиты»²⁴. Это сухая констатация, однако могут ли выраженные в ней смыслы являться для нас идеалом или ориентиром?

Другим примером сугубо целерационального подхода к решению задач уголовной юстиции можно назвать узаконение пыток. Так, авторы упомянутой монографии, отмечая случаи применения пыток к задержанному для раскрытия тяжких преступлений в России, приводят практику применения пыток при допросе задержанных в Израиле, одобренную Высоким судом Израиля как «эффективное средство для получения информации, которая может спасти человеческие жизни»²⁵. И хотя мы не можем согласиться с утверждением авторов о том, что «современным обществом пытки не порицаются, особенно если они приносят быстрый и положительный эффект»²⁶, в пользу этого авторы не приводят результатов каких-либо социологических опросов, и в целом мы не склонны приписывать нашему обществу такие кроваво-жадные настроения. Тем не менее мы, даже теоретически не допуская возможность узаконения пыток, вынуждены признать в качестве факта то, что насилие может способствовать раскрытию преступления и восстановлению справедливости. Однако такой подход является деструктивным, поскольку оправдание или даже мысль о возможности узаконения пыток в прагматических целях идут вразрез с фундаментальными ценностями и идеалами общества и могут иметь серьезные негативные последствия, создать опасность пока еще неизвестных рисков.

Важно сделать оговорку: целерациональный подход не следует противопоставлять общественным ценностям, поскольку нормативные конструкции или действия, осуществляемые на их основе, могут в полной мере вписываться в

²³ Тарасов А. А. Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 106.

²⁴ Следственная деятельность : монография / под ред. д-ра юрид. наук Н. А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2021. Кн. 1 : Anchetator. С. 66.

²⁵ Следственная деятельность. С. 65.

²⁶ Следственная деятельность. С. 62.

ценностную картину общества или по крайней мере быть нейтральными. Так или иначе, мы полностью согласны с мнением А. А. Новикова о том, что подлинно рациональный, действительно разумный путь человеческого развития — это не только глубоко продуманный и оптимально сбалансированный, но прежде всего нравственный путь, при котором долг, альтруизм, милосердие и прочие архаичные и, строго говоря, нерациональные факторы не вытесняются холодной расчетливостью и безупречной логикой и где истина не довлеет над совестью²⁷. Подобный синтетический подход позволяет встроить в паттерн рациональности имманентное субъективное, то есть, отказавшись от разрушительного безрассудства, учитывать вневременные ценности общества. Можно согласиться с Д. Финнисом в том, что «реальная проблема морали, а также смысла или значения человеческого существования — не в распознании основных аспектов человеческого благосостояния, а в объединении различных аспектов в рациональные и разумные убеждения, планы и действия, которые служат наполнению тех или иных прекрасных форм человеческой жизни»²⁸.

Затронув тему ценностей, нельзя обойти вниманием вопрос их субъективности. Авторами монографии «Факторы формирования государственно-правовой реальности» справедливо замечено, что ценности не могут возникнуть «сами по себе», вне зависимости от практики жизни людей. Это не означает абсолютной субъективности ценностей. Критерий объективности ценностей состоит в том, что сама жизнь (выживание) этого сообщества предполагает осознанное или неосознанное следование этой ценности. Именно привязка ценностей к сообществам, как указывают авторы, выходит за пределы субъективизма, и таким образом ценности являются необходимым элементом

жизни данного сообщества — в этом объективный статус ценностей²⁹. Это позволяет сделать вывод об объективной-субъективной природе ценностей в обществе, которые являются по своей сути детерминантами его существования.

Одной из ярких иллюстраций включенности категории «ценность» в правовую действительность является формулировка, содержащаяся в ч. 2 статьи 67.1 Конституции РФ: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога...». И со всей очевидностью упоминание Бога здесь следует рассматривать не как призыв к иррациональному освоению мира, а как закрепление непреходящей ценности религиозных убеждений народов нашей страны. Вместе с ценностями в приведенном тексте упоминаются идеалы. Закономерно возникает вопрос, о каких идеалах идет речь? Так, на определенном историческом этапе в нашем обществе властвовали в целом скомпрометировавшие себя коммунистические и сопряженные с ними мировоззренческие идеалы. Это является одной из причин того, что в законодательстве и в правоприменительной практике можно встретить ошибочные решения, являющиеся результатом следования сиюминутным конъюнктурным соображениям и увлечений мимолетными идеологическими аргументами и лозунгами. Мы же склонны полагать, что в тексте идет речь об общечеловеческих идеалах: свободе, равенстве, справедливости.

Профессор А. А. Тарасов метко выразился: «...нет сомнений в том, что теория и практика российского уголовного судопроизводства — это вечный полигон для апробации самых разных идей по поводу его существа, истории, этапов развития, но главное — по поводу судьбы российского уголовного процесса в целом и разных его институтов в частности»³⁰. Развивая

²⁷ Новиков А. А. Рациональность в ее истоках и утратах // Исторические типы рациональности. М. : ИФРАН, 1995. С. 28.

²⁸ Финнис Д. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака, А. В. Панихиной. М. ; Челябинск : ИРИСЭН, Социум, 2019. С. 53.

²⁹ Факторы формирования государственно-правовой реальности : монография / под ред. А. В. Попова. М. : Проспект, 2021. С. 13.

³⁰ Тарасов А. А. Указ. соч. С. 101.

это положение, можно сказать, что в условиях плюрализма правовых и политических начал, видов бытия нет какого-то одного, единственно верного рецепта построения уголовного судопроизводства. Даже внутри любой современной модели уголовного судопроизводства велик разброс представлений о должном, многообразен опыт реализации отдельных институтов. Между тем очевидно, что уголовное судопроизводство конкретного государства является ответом на социально-экономические вызовы, порой в чем-то ошибочным, но так или иначе выстраданным и, как правило, укладывающимся в принятые модели поведения.

Как справедливо выразился В. Чернухин, «право имеет бесконечную потребность в улучшении понимания того, *как и почему люди ведут себя так, а не иначе*»³¹, удовлетворение которой мы можем найти в *других дисциплинах*. В этой связи было бы интересно взглянуть на уголовное судопроизводство сквозь призму различных рационалистических воззрений, теорий и концепций. Разумеется, формат статьи не позволяет сделать это всеобъемлюще. Поэтому считаем целесообразным сделать анализ отдельного уголовно-процессуального института — института досудебного соглашения о сотрудничестве — через призму одного из фундаментальных рационалистических учений — теории рационального выбора и учения о преступлениях и подвигах П. Сорокина — с целью уяснения того, насколько адекватно данный институт в них вписывается. Наше обращение к уголовному судопроизводству, а не к какой-нибудь иной отрасли мы можем объяснить тем, что, как справедливо указывает Л. В. Головкин, «трудно найти отрасль права, больше пронизанную публично-правовым началом, нежели уголовно-процессуальное право»³², и это вкпе с его сопряженностью с ограничением прав и сво-

бод личности логически предполагает большую степень рациональности этой отрасли.

Уголовно-процессуальные формы по меркам теории рационального выбора и учения о преступлениях и подвигах П. А. Сорокина

Теория рационального выбора представляет собой собирательный термин, охватывающий существующие подходы к описанию рационального поведения субъектов, и находит свои истоки в классической политической экономии А. Смита и вышеупомянутой понимающей социологии М. Вебера. В качестве фундамента этих подходов выступает идея разумного и законосообразного устройства мира, а «основная проблема рационального выбора трактуется в наиболее общем виде как определение наилучшего варианта действий по достижению цели при ограниченных ресурсах»³³.

В литературе теория рационального выбора в большинстве случаев рассматривается применительно к институтам частного права, к сфере монопольной деятельности, торговле. Пионером применения указанных концепций к сфере уголовной юстиции можно назвать Гэри Беккера с его работой «Преступление и наказание: экономический подход»³⁴. Один из видных отечественных исследователей теоретических основ принятия решения профессор С. В. Микони отмечает, что «если рассматривать решение как конечную точку некоторого процесса, то оно всеохватно — его можно изучать не только с позиций оптимизации и интеллектуализации, но и с позиций логики, психологии, конфликтологии и других наук»³⁵. Беремся утверждать, что универсальный характер теории рационального выбора позволяет адаптировать те или иные ее элементы и к отдельным институтам уголовного процесса.

³¹ Чернухин В. Право хранить молчание // URL: https://zakon.ru/blog/2022/09/30/pravo_hranit_molchanie (дата обращения: 11.05.2023).

³² Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография. М. : Городец, 2022. С. 167.

³³ Швери Р., Козлова Л. А. Теория рационального выбора: аналитический обзор // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 43.

³⁴ См.: Pi D. Using Bounded Rationality to Fight Crime (February 10, 2013). URL: <https://ssrn.com/abstract=2214504>.

³⁵ Микони С. В. Теория и практика рационального выбора : монография. М. : Маршрут, 2004. С. 10.

Одной из основополагающих в теории рационального выбора является гипотеза рациональности актора, являющаяся отражением экономической концепции полезности и предполагающая склонность субъекта делать выбор, максимизирующий полезность. С. В. Микони под рациональным выбором понимает аналитический подход к принятию решения, основанный на выявлении и формализации закономерностей в соответствующей предметной области³⁶. В теории принятия решений взаимоисключающие варианты решений называют альтернативами, их совокупность — множеством альтернатив, а процесс выбора лучшей из имеющихся альтернатив — шагом принятия решения³⁷. Признак, применяемый для сравнения альтернатив на текущем шаге с целью выбора лучшей из них, называют критерием оценки³⁸.

В рамках уголовного судопроизводства в ряде ситуаций участник, взвешивая возможные правовые последствия (исходы) своего дальнейшего поведения, стоит перед выбором линии поведения. Взвешивая полезность той или иной альтернативы, участник опирается на качественные и количественные оценки последствий своих действий. В качестве примера: в уголовном судопроизводстве выделяются так называемые поощрительные формы уголовного судопроизводства, под которыми понимается «совокупность процедур, гарантий и условий, предназначенных для реализации уголовно-правовых поощрительных норм, фиксации оснований применения поощрения и разрешения уголовно-правового конфликта при позитивном, одобряемом государством и обществом, поведении лица, привлекаемого к уголовной ответственности»³⁹. В качестве признаков указанных

форм Г. С. Русман называет взаимовыгодность, выражающуюся в полезном сотрудничестве лица, привлекаемого к уголовной ответственности, потерпевшего, общества и государства, удовлетворяющих свой интерес в ускоренном и упрощенном виде с наименьшими временными затратами и расходами на производство по делу, и экономическую целесообразность и рационализацию поощрительных процедур, позволяющих достигнуть эффективного судопроизводства, отличающегося простотой и высокой социально-общественной значимостью взаимовыгодного сотрудничества лица, привлекаемого к уголовной ответственности, общества и государства⁴⁰.

В соответствии с ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый вправе подать на имя прокурора ходатайство о заключении соглашения. Следует согласиться с мнением Г. С. Русман о том, что «разрешение уголовно-правового конфликта должно происходить на основании взаимовыгодного сотрудничества сторон в условиях эффективных и рациональных форм судопроизводства»⁴¹, и при характеристике данного уголовно-процессуального института напрашивается слово «сделка». Как следует из приказа Генерального прокурора РФ «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам»⁴², ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должно содержать указание на действия, которые подозреваемый (обвиняемый) обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном пре-

³⁶ Микони С. В. Указ. соч. С. 8.

³⁷ Микони С. В. Указ. соч. С. 14–15.

³⁸ Микони С. В. Указ. соч. С. 15.

³⁹ Русман Г. С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2023. С. 22.

⁴⁰ Русман Г. С. Указ. соч. С. 22–23.

⁴¹ Русман Г. С. Указ. соч. С. 455.

⁴² Приказ Генерального прокурора РФ от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // Законность. 2010. № 6.

следовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления (добровольно участвовать в следственных действиях, проводимых как по возбужденному в отношении лица уголовному делу, так и по другим уголовным делам, в проведении оперативно-розыскных мероприятий, способствующих выявлению готовящегося, совершаемого или совершенного преступления, а также сообщать о месте нахождения разыскиваемого лица, имуществе, добытом преступным путем, о структуре преступной организации, ее руководителях и др.). То есть для органов правопорядка выгодность данного института выражается в упрощении сбора доказательств, изобличающих обвиняемых.

Для обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не все аспекты этого соглашения могут быть выгодны. Так, выполнение обязательств, вытекающих из соглашения, может предполагать фактический отказ от свидетельского иммунитета. Как следует из постановления Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко»⁴³, в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве отказ от свидетельского иммунитета означает, что подозреваемый, обвиняемый обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, определенные действия, в том числе сообщить существенные для следствия сведения, изобличающие соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления.

Выгодность соглашения для лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, заключается в невозможности превышения максимального порога санкции — двух

третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы (срок или размер, являющиеся качественными и количественными оценками) — наказания, которое может быть назначено судом, а при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктом «и» части первой ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не может превышать половину максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания. Предполагается, что указанная правовая гарантия является соразмерной и справедливой «наградой» для лица. Закономерно напрашивается вопрос: всегда ли это так?

Законодательство, регулируя множество потенциальных человеческих взаимодействий, может упускать из виду отдельные аспекты, которые могут иметь место в исключительно редких случаях. Лицо, с которым может быть заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, стремится облегчить свой путь, и определяющим в выборе альтернативы для него будет достижение пользы. В отдельных случаях эта польза может заключаться в стремлении избежать мести иных обвиняемых. Как известно, преступления, совершенные организованными группами и преступными сообществами, характеризуются повышенной общественной опасностью, значительным масштабом противоправной деятельности. Сами организованные группы и преступные сообщества нередко увязаны с коррупционными механизмами, порой сращены с отдельными должностными лицами правоохранительных органов, и при расследовании приведенной категории уголовных дел риск для обвиняемого — «потенциального контрагента досудебного соглашения о сотрудничестве» быть убитым самим или утраты близких не выглядят иллюзорным.

Как отмечает О. Н. Тисен, практика показывает, что при наличии реальной угрозы безопасности предусмотренных общими нормами материального права гарантий смягчения наказания недостаточно для стимулирования обвиняемых

⁴³ СЗ РФ. 2016. № 31. Ст. 5088.

к активному взаимодействию со следствием⁴⁴. В этой ситуации отбор, основанный на принципе полезности отбираемой и бесполезности отсеиваемой альтернативы, не будет в пользу досудебного соглашения о сотрудничестве. То есть непосредственные выгоды не смотрятся предпочтительными по отношению к долгосрочным издержкам: ценность жизни несоизмеримо выше перспективы снижения объема негативных последствий привлечения к уголовной ответственности. В этих условиях видится разумным увеличение выгод. Например, представляется возможным нормативное закрепление возможности полного освобождения от уголовной ответственности лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве по образцу США⁴⁵, в случае если в результате такового стало возможным раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений, их пресечение и изобличение иных соучастников. При наличии подобной правовой возможности соглашение о сотрудничестве станет более конкурентным и, вероятно, во многих ситуациях более предпочтительным, чем «запирательство», и в конечном счете принесет больше пользы обществу.

Второй системой, заслуживающей, по нашему мнению, «примерки» на институт досудебного соглашения о сотрудничестве, является учение о преступлениях и подвигах П. А. Сорокина. В центре внимания данного социологического учения стоят человеческие поступки, а фундаментом всякой нормы, согласно ему, является социальная польза. В ходе исследования форм общественного поведения и морали, фундаментальных эмпирических обобщений и анализа социологических законов ученому удалось выявить ряд закономерностей в дан-

ной области, применимых и к правовым институтам.

Исходя из «характера психических переживаний» поступков и их полезности, П. А. Сорокин классифицирует⁴⁶ их:

а) на акты⁴⁷ дозволенно-должные, то есть соответствующие представлениям о «должном поведении»;

б) акты рекомендуемые. Такими актами для каждого человека будут акты, не противоречащие его представлениям о дозволенно-должном поведении, но представляющие сверхнормальную роскошь, избыток над необходимым минимумом поведения;

в) акты «запрещенные», или «недозволенные». Такими актами для каждого будут те акты, которые противоречат представлениям о «должном» и нарушают «должную» норму поведения.

«Акты рекомендуемые» ученый называет «подвигом» или «услугой» («услужные акты»), реакцию на них со стороны другого, воспринимающего их как акты рекомендуемые, — «наградой». «Актам запрещенным» ученый присваивает наименование «преступление», реакцию на них, понимаемых другими именно как акты запрещенные, называет наказанием⁴⁸. Далее автор конкретизирует: «...услужными являются те акты (как свои, так и чужие), которые, во-первых, не противоречат нашим “должным” шаблонам, во-вторых, выходят по своей “добродетельности” за пределы “обязанности”, в силу этого они добровольны и никто не может притязать на них, а равно выполняющий их не сознает себя “обязанным” выполнять их»⁴⁹.

В качестве черт «услужного акта» ученый называет:

⁴⁴ Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017. С. 3.

⁴⁵ См. более подробно: Холмогорова Н. Ю. «Сделка с правосудием» в России и США: сравнительно-правовой анализ процессуального законодательства // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 2. С. 87.

⁴⁶ Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М. : Астрель, 2006. С. 122.

⁴⁷ Здесь и далее под актами понимаются действия и бездействия людей (А.Ц.).

⁴⁸ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 127.

⁴⁹ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 163.

1) его непротиворечие с переживанием «долженствования». Он всегда рассматривается как морально положительный. Это происходит в силу того, что «должные» шаблоны поведения в силу «долженствования» всегда являются нормой и мерой «справедливости», представляют высшие сверхнормальные степени справедливости;

2) его «сверхнормальность», или избыток «добродетельности». Эта черта выражается в том, что притязать на эти акты или вменять их в обязанность нельзя;

3) добровольность⁵⁰.

Отмечая принцип возмездности в качестве общего закона социальной жизни, ученый указывает на наличие градации внешних проявлений услуги и соответственно с этим градации наград, ориентированных на их равноценность (принцип талиона, *Do, ut des*). Автор, анализируя закономерности наград и кар, приходит к выводу о том, что чем бóльшим будет приписываемый индивиду «подвиг», тем бóльшую «награду» он получает со стороны приписывающих. Таково положение дел теперь, таково же оно было в прошлом, пишет П. А. Сорокин, резюмируя: «...бóльшая услуга влечет за собой и бóльшую награду. Такова пропорциональность взаимоотношения услуги и награды, существовавшая на протяжении истории»⁵¹. Говоря об эволюционной тенденции кар и наград, ученый справедливо замечает, что категория «награда» не является статичной: «...сначала услуга влечет награду, состоящую в акте, аналогичном акту услуги. Но затем (по мере развития общества. — *примеч. А.Ц.*) услуга может вызвать наградной акт, эквивалентный самому акту услуги, но конкретно не тождественный с ним»⁵².

Ученым достаточно полно раскрыта закономерность в исследуемой области: «...весьма

многочисленный разряд поступков человеческих, поступков, которые вначале совершались лишь под влиянием наград, в дальнейшем, благодаря многократному повторению их — с одной стороны, и социально полезному их характеру — с другой, стали совершаться без наград, спонтанно и самопроизвольно»⁵³, становясь «внутренне потребным долгом»⁵⁴. Таким образом, детерминантой падения кар и наград является рост социальности или, как выразился П. А. Сорокин, «постепенное нравственное восхождение на новые и новые ступени»⁵⁵. И наоборот, «кривая наград и кары делает подъем» в период общественного кризиса, увеличения конфликтности и антагонизма в обществе, а также «тогда, когда государство находится в периоде “сбирания и усиленного расширения границ”»⁵⁶. Квинтэссенцию учения можно выразить положением (являющимся, по сути, социальной закономерностью) о том, что «преступно-карательные и службно-наградные акты представляют параллелизм как в своем составе, так и в своей общественной роли, что они совместно подчинены одним и тем же общественным условиям, в зависимости от колебаний которых стоит состав и объем преступно-карательных и службно-наградных актов, и что, наконец, оба разряда актов поведения проникнуты одною и тою же основной тенденцией»⁵⁷.

В контексте рассмотренного учения действия лица по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве и вытекающие из него следствия представляются «услугой». Однако в существующем виде нормативная конструкция соглашения не всегда обеспечивает равноценность «награды» «услуге», в отдельных ситуациях не обеспечивается необходимая дифференциация. Несмотря на положительную динамику преступности в России, самое высокое коли-

⁵⁰ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 163–164.

⁵¹ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 451.

⁵² Сорокин П. А. Указ. соч. С. 207.

⁵³ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 446.

⁵⁴ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 450.

⁵⁵ Сорокин П. А. Указ. соч.

⁵⁶ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 472.

⁵⁷ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 508.

чество жертв насильственных преступлений в Европе, согласно данным⁵⁸ Управления ООН по наркотикам и преступности за 2021 г., и «увеличение объема латентных наркопреступлений»⁵⁹, представляющих, по мнению отдельных авторов, «большую угрозу, чем религиозный экстремизм»⁶⁰, «весьма глубокое проникновение явления наркотизации вглубь общества»⁶¹ позволяют охарактеризовать имеющуюся ситуацию как околокризисную, оправдывающую, согласно приведенному учению П. А. Сорокиной, увеличение наград в сфере уголовной юстиции. Дополнительным аргументом в пользу этого является происходящее усиление «кар» в уголовном законодательстве. В последнее время была ужесточена ответственность за воинские преступления и ответственность за создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ), введена ответственность за преступления, связанные с диверсионной деятельностью (ст. 281.1, 281.2 и 281.3 УК РФ), новые составы преступлений в сфере гособоронзаказа (ст. 201.2 «Нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа»), воинские преступления (ст. 352.1 «Добровольная сдача в плен», ст. 356.1 «Мародерство») и др. Одновременно с этим мы были очевидцами

того, как государство в отсутствие надлежащих правовых механизмов пошло на экстраординарную меру: были освобождены от наказания осужденные к реальному лишению свободы, вызвавшиеся участвовать в СВО, в чем мы ничего предосудительного не видим и можем лишь констатировать соответствие этого шага закономерностям, выявленным П. А. Сорокиным. Уже в настоящее время эта мера вошла в правовое пространство⁶². Сказанное свидетельствует в пользу необходимости ранее сделанного предложения о закреплении возможности полного освобождения от уголовной ответственности лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Заключение

В заключение согласимся с мнением французского ученого Ж. Батая о том, что человеческая жизнь, не сводимая к юридическому «существованию», реальная человеческая жизнь на земном шаре, затерянном в небесном пространстве, перетекающая из ночи в день и из края в край, ни в коем случае не может быть ограничена замкнутыми системами, втискивающимися в ее рассудочные концепции⁶³. Тем не менее человечеству присущи стремление к познанию действительности, нередко осуще-

⁵⁸ Victims of intentional homicide // URL: <https://dataunodc.un.org/ru/dp-intentional-homicide-victims> (дата обращения: 01.05.2023).

⁵⁹ См., например: Готчина Л. В. Криминологическая характеристика российской наркопреступности: структура, динамика и прогноз // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 767–775.

⁶⁰ Готчина Л. В. Указ. соч. С. 772.

⁶¹ Тепляшин П. В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex russica (Русский закон). 2017. № 10 (131). С. 147–157.

⁶² Федеральным законом от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4678) создана возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации либо проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, совершивших преступления небольшой или средней тяжести или имеющих судимость (по ряду составов преступлений применение данного основания освобождения от уголовной ответственности невозможно).

⁶³ Батай Ж. Проклятая доля / пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. М.: Гнозис: Логос, 2003. С. 203.

ствляемое посредством экстраполяции выявленных в какой-либо области закономерностей на смежные, попытки втиснуть окружающую действительность в какие-либо системы с целью ее упорядочения. Так, приведенные примеры, по нашему мнению, наглядно свидетельствуют о том, что уголовное судопроизводство вписывается в рационалистическую систему Вебера, что позволяет открыть новые его грани.

Ж. Батай, предпринявший попытку создать некую сакральную теорию экономики, задавался вопросом: «Может быть, уместно изучать систему человеческого производства и потребления в рамках какой-то более обширной совокупности?»⁶⁴. Мы задаемся таким же вопросом, но применительно к праву в целом и уголовному судопроизводству в частности. Было бы наивным считать право самодовлеющим явлением. Право, являясь социальным институтом, подчинено закономерностям общественной жизни, исследуемым в других дисциплинах. Именно социальные,

экономические и политические условия жизни общества, изучаемые этими отраслями, являются объективной основой права, а не наоборот. В этой связи мы выражаем убежденность в том, что право не должно замыкаться на себе, а исследование тех или иных правовых явлений через призму рационалистических теорий и учений иных социальных наук под тем или иным углом даст убедительное объяснение правовым явлениям, позволит вскрыть недостатки существующих правовых конструкций, спрогнозировать их будущее состояние и наметить пути совершенствования. Так, обращение к положениям теории рационального выбора уместно в ситуациях, сопряженных с принятием одного из нескольких возможных решений. Затронутое учение о преступлениях и подвигах оперирует категориями «награда» и «наказание», имеющими крайне широкую социальную функцию, что, соответственно, позволяет исследовать с его позиций крайне широкий спектр правовых институтов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Никомахова этика // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).
2. *Батай Ж.* Проклятая доля / пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. — М. : Гнозис : Логос, 2003. — 208 с.
3. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества — М. : Правда, 1989. — 607 с.
4. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Т. 3 : Право. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 336 с.
5. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Т. 1 : Социология. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 445 с.
6. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. — М. : Территория будущего, 2005. — 800 с.
7. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права : пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
8. *Головкин Л. В.* Государство и его уголовное судопроизводство : монография. — М. : Городец, 2022. — 464 с.
9. *Готчина Л. В.* Криминологическая характеристика российской наркопреступности: структура, динамика и прогноз // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11. — № 4. — С. 767–775.
10. *Жирар Р.* Козел отпущения // URL: <https://www.libfox.ru/369425-rene-zhirar-kozel-otpushcheniya.html> (дата обращения: 01.05.2023).

⁶⁴ *Батай Ж.* Указ. соч. С. 16.

11. *Зинченко С. А.* Юридические факты в механизме правового регулирования. — М. : Волтерс Клувер, 2007. — 152 с.
12. *Кампос А. Д.* Критика рационального гуманизма: историко-философский анализ идей Ф. Ницше : дис. ... канд. филос. наук. — Саратов, 2010. — 157 с.
13. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. — 2-е изд. — СПб. : АЛЕФ-Пресс, 2015. — 542 с.
14. *Конев А. Н.* Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России : монография / под. науч. ред. М. П. Полякова. — М. : Проспект, 2021. — 416 с.
15. *Лебон Г.* Психология масс / переводчики: Э. К. Пименова, А. Фридман. — М. : Юрайт, 2023. — 264 с.
16. *Микони С. В.* Теория и практика рационального выбора : монография. — М. : Маршрут, 2004. — 463 с.
17. *Монтескьё Ш.* О духе законов // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O_dukhe.pdf (дата обращения: 15.06.2023).
18. *Москвитин Г. И., Миндубаева Н. А.* Особенности принятия решений, опирающиеся на нормативную и дескриптивную теории // Экономическая наука в XXI веке: вопросы теории и практики : сборник материалов XV Международной научно-практической конференции (Махачкала, 24 декабря 2017 г.). — Махачкала, 2017. — С. 69–71.
19. *Новиков А. А.* Рациональность в ее истоках и утратах // Исторические типы рациональности. — М. : ИФРАН, 1995 г. — С. 27–48.
20. *Русман Г. С.* Поощрительные формы уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. — Челябинск, 2023. — 564 с.
21. *Синха С. П.* Юриспруденция. Философия права. Краткий курс : пер. с англ. — М. : Издательский центр «Академия», 1996. — 304 с.
22. Следственная деятельность : монография. Кн. 1 : Anchetator / под ред. д-ра юрид. наук Н. А. Колоколова. — М. : Юрлитинформ, 2021. — 232 с.
23. *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. — 4-е изд., доп. и испр. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. — 684 с.
24. *Соловьев В.* Право и нравственность: Очерки из прикладной этики. — 2-е изд. — СПб. : Изд. Я. Канторовича, 1899. — 187 с.
25. *Сорокин П. А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. — М. : Астрель, 2006. — 618 с.
26. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. — М. : Политиздат, 1992. — 543 с.
27. *Тарасов А. А.* Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27. — № 3. — С. 100–112.
28. *Тепляшин П. В.* Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex russica (Русский закон). — 2017. — № 10 (131). — С. 147–157.
29. *Тисен О. Н.* Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Оренбург, 2017. — 487 с.
30. Факторы формирования государственно-правовой реальности : монография / под ред. А. В. Попова. — М. : Проспект, 2021. — 176 с.
31. *Финнис Д.* Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака, А. В. Панихиной. — М. ; Челябинск : ИРИСЭН, Социум, 2019. — 554 с.
32. *Фома Аквинский.* Сумма теологии. Т. 6 // URL: https://download.librebook.me/download/formats/36/64/20_7505.pdf (дата обращения: 15.06.2023).
33. *Холмогорова Н. Ю.* «Сделка с правосудием» в России и США: сравнительно-правовой анализ процессуального законодательства // Вестник Удмуртского университета. — 2016. — Т. 26. — Вып. 2. — С. 84–88.

34. Чернухин В. Право хранить молчание // URL: https://zakon.ru/blog/2022/09/30/pravo_hranit_molchanie (дата обращения: 11.05.2023).
35. Швери Р., Козлова Л. А. Теория рационального выбора: аналитический обзор // Социологический журнал. — 1995. — № 2. — С. 43–56.
36. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения : пер. с нем. : в 2 т. Т. 1 / сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга. — М. : Мысль, 1987. — 637 с.
37. Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. Т. 4 / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. — М. : Статут, 2016. — 752 с.
38. Шпенглер О. Закат Европы : очерки морфологии мировой истории / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. — М. : Мысль, 1998. — 606 с.
39. Эрих В. Ф. Сочинения. — М. : Правда, 1991. — 576 с.

Материал поступил в редакцию 14 июля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aristotel. Nikomakhova etika // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
2. Batay Zh. Proklyataya dolya / per. s fr. B. Skuratova, P. Khitskogo. — M.: Gnozis: Logos, 2003. — 208 s.
3. Berdyaev N. A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva — M.: Pravda, 1989. — 607 s.
4. Veber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii: v 4 t. / sost., obshch. red. i predisl. L. G. Ionina; Natsionalnyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». T. 3: Pravo. — M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2016. — 336 s.
5. Veber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii: v 4 t. / sost., obshch. red. i predisl. L. G. Ionina; Natsionalnyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». T. 1: Sotsiologiya. — M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2016. — 445 s.
6. Vladimirovskiy-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. — M.: Territoriya budushchego, 2005. — 800 s.
7. Gegel G. V. F. Filosofiya prava: per. s nem. / red. i sost. D. A. Kerimov i V. S. Nersesyants; avt. vstup. st. i primech. V. S. Nersesyants. — M.: Mysl, 1990. — 524 s.
8. Golovko L. V. Gosudarstvo i ego ugovnoe sudoproizvodstvo: monografiya. — M.: Gorodets, 2022. — 464 s.
9. Gotchina L. V. Kriminologicheskaya kharakteristika rossiyskoy narkoprestupnosti: struktura, dinamika i prognoz // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. — 2017. — T. 11. — № 4. — S. 767–775.
10. Zhirar R. Kozel otpushcheniya // URL: <https://www.libfox.ru/369425-rene-zhirar-kozel-otpushcheniya.html> (data obrashcheniya: 01.05.2023).
11. Zinchenko S. A. Yuridicheskie fakty v mekhanizme pravovogo regulirovaniya. — M.: Volters Kluver, 2007. — 152 s.
12. Kampos A. D. Kritika ratsionalnogo gumanizma: istoriko-filosofskiy analiz idey F. Nitsshe: dis. ... kand. filos. nauk. — Saratov, 2010. — 157 s.
13. Kelzen G. Chistoe uchenie o prave / per. s nem. M. V. Antonova i S. V. Lezova. — 2-e izd. — SPb.: Alef-Press, 2015. — 542 s.
14. Konev A. N. Ideologicheskie osnovy sovremennogo ugovnogo sudoproizvodstva Rossii: monografiya / pod. nauch. red. M. P. Polyakova. — M.: Prospekt, 2021. — 416 s.
15. Lebon G. Psikhologiya mass / perevodchiki: E. K. Pimenova, A. Fridman. — M.: Yurayt, 2023. — 264 s.
16. Mikoni S. V. Teoriya i praktika ratsionalnogo vybora: monografiya. — M.: Marshrut, 2004. — 463 s.
17. Monteske Sh. O dukhe zakonov // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O dukhe.pdf> (data obrashcheniya: 15.06.2023).

18. Moskvitin G. I., Mindubaeva N. A. Osobennosti prinyatiya resheniy, opirayushchiesya na normativnuyu i deskriptivnuyu teorii // *Ekonomicheskaya nauka v XXI veke: voprosy teorii i praktiki: sbornik materialov XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Makhachkala, 24 dekabrya 2017 g.)*. — Makhachkala, 2017. — S. 69–71.
19. Novikov A. A. Ratsionalnost v ee istokakh i utratkakh // *Istoricheskie tipy ratsionalnosti*. — M.: IFRAN, 1995 g. — S. 27–48.
20. Rusman G. S. Pooshchritelnye formy ugovornogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Chelyabinsk, 2023. — 564 s.
21. Sinkha S. P. Yurisprudentsiya. Filosofiya prava. Kratkiy kurs: per. s angl. — M.: Izdatelskiy tsentr «Akademiya», 1996. — 304 s.
22. Sledstvennaya deyatel'nost': monografiya. Kn. 1: Anchetator / pod red. d-ra yurid. nauk N. A. Kolokolova. — M.: Yurlitinform, 2021. — 232 s.
23. Sluchevskiy V. K. Uchebnyk russkogo ugovornogo protsesssa. Sudoustroystvo — sudoproizvodstvo. — 4-e izd., dop. i ispr. — SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1913. — 684 s.
24. Solovev V. Pravo i npravstvennost: Ocherki iz prikladnoy etiki. — 2-e izd. — SPb.: Izd. Ya. Kantorovicha, 1899. — 187 s.
25. Sorokin P. A. Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskii etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali / vstup. st., sost. i primech. V. V. Sapova. — M.: Astrel, 2006. — 618 s.
26. Sorokin P. A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo: per. s angl. / obshch. red., sost. i predisl. A. Yu. Sogomonov. — M.: Politizdat, 1992. — 543 s.
27. Tarasov A. A. Ratsionalnoe i irratsionalnoe v diskussiyakh o razvitii rossiyskogo ugovornogo protsesssa // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2023. — T. 27. — № 3. — S. 100–112.
28. Teplyashin P. V. Sostoyanie narkoprestupnosti v Rossiyskoy Federatsii: osnovnye kriminologicheskie pokazateli i tendentsii // *Lex russica (Russkiy zakon)*. — 2017. — № 10 (131). — S. 147–157.
29. Tisen O. N. Teoreticheskie i prakticheskie problemy instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v rossiyskom ugovornom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Orenburg, 2017. — 487 s.
30. Faktory formirovaniya gosudarstvenno-pravovoy realnosti: monografiya / pod red. A. V. Popova. — M.: Prospekt, 2021. — 176 s.
31. Finnis D. Estestvennoe pravo i estestvennye prava / per. s angl. V. P. Gaydamaka, A. V. Panikhinoy. — M.; Chelyabinsk: IRISEN, Sotsium, 2019. — 554 s.
32. Foma Akvinskiy. Summa teologii. T. 6 // URL: https://download.librebook.me/download/formats/36/64/20_7505.pdf (data obrashcheniya: 15.06.2023).
33. Kholmogorova N. Yu. «Sdelka s pravosudiem» v Rossii i SShA: sravnitel'no-pravovoy analiz protsessual'nogo zakonodatel'stva // *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. — 2016. — T. 26. — Vyp. 2. — S. 84–88.
34. Chernukhin V. Pravo khranit molchanie // URL: https://zakon.ru/blog/2022/09/30/pravo_hranit_molchanie (data obrashcheniya: 11.05.2023).
35. Shveri R., Kozlova L. A. Teoriya ratsionalnogo vybora: analiticheskii obzor // *Sotsiologicheskii zhurnal*. — 1995. — № 2. — S. 43–56.
36. Shelling F. V. Y. Sochineniya: per. s nem.: v 2 t. T. 1 / sost., red., avt. vstup. st. A. V. Gulyga. — M.: Mysl, 1987. — 637 s.
37. Shershenevich G. F. Izbrannoe: v 6 t. T. 4 / vstup. slovo, sost. P. V. Krasheninnikov. — M.: Statut, 2016. — 752 s.
38. Shpengler O. Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoy istorii / per. s nem., vstup. st. i primech. K. A. Svasyana. T. 2: Vsemirno-istoricheskie perspektivy. — M.: Mysl, 1998. — 606 s.
39. Ern V. F. Sochineniya. — M.: Pravda, 1991. — 576 s.